

Ирада Берг

ПЕТРИКОР

Запах земли после дождя

ТОЛЬКО
на
ЛИТРЕС

РИПОЛ КЛАССИК

Ирада Берг Петрикор

pdf

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69392863

Петрикор :

ISBN 978-5-386-15000-6

Аннотация

«Петрикор» – сборник рассказов и пьес писателя Ирады Берг.

Автор размышляет о дружбе, любви, природе таланта, служении и смирении перед тем, что не в нашей власти. Сюжеты историй переносят читателя из солнечного Порту в пасмурный Санкт-Петербург, на Лазурный берег, в Лос-Анджелес и обратно в Петербург. Каждый, из этих городов обладает своим особенным сложным характером, который Ирада изящно передает, исследуя судьбы людей.

Содержание

Вступительное слово	5
Рассказы	7
Petrichor	8
Jazz point [7]	40
Чебурашка	68
Конец ознакомительного фрагмента.	84

Ирада Берг Петрикор

© Ирада Берг, 2023

© Издание, оформление. ООО Группа Компаний «РИ-ПОЛ классик», 2023

*** * ***

Вступительное слово

Вы спросите, кто я. Отвечу – я человек.

Сложно даже что-то добавить. Я человек. Какие-то должности и посты остались в прошлом. И сейчас я смотрю на это как на бесценный опыт, удивительные истории, которые остались далеко позади, но сформировали сегодняшнюю меня.

Писатель всегда один на один со своей совестью. Это – суть, все остальное не имеет значения.

После окончания университета я несколько лет преподавала немецкий язык в ФИНЭКЕ, затем работала экскурсоводом в Екатерининском дворце, а закончила свою карьеру в должности заместителя директора в Юсуповском дворце. В какой-то момент я задала себе вопрос: скажи, если бы ты могла выбирать, что бы ты хотела изменить в своей жизни? И я ответила себе – писать и играть на сцене.

В тот же день я уволилась и приняла для себя решение – never give up¹. На моем пути встретилась Мария Миронова, замечательная актриса и человек большой души и сердца. Именно она поменяла мою «точку сборки». Так родился проект «Чтения со смыслом» в поддержку творческих людей и начинающих литераторов.

¹ Никогда не сдавайся (англ.). – Здесь и далее прим. ред.

Начинать всегда непросто: в тебя не верят и никто не желает тебе успеха. И вот тут важно, чтобы первым человеком, кто поверит в тебя, был ты сам. Сейчас я выступаю в театре со своими текстами и чувствую себя в этой сфере осознанно и счастливо. В детстве я мечтала стать актрисой, и теперь моя мечта воплощается таким удивительным образом.

Предлагаю вашему вниманию мой новый сборник, в который вошли семь рассказов и две пьесы. Я работала над ним полтора года и очень рада тому, что могу поделиться с вами своими мыслями, наблюдениями и историями.

Мы всегда можем сделать шаг из строя навязанных стереотипов и заниматься тем, от чего поет и радуется наша душа.

Ирада Берг

Рассказы

Посвящаю своим сыновьям Максиму и Петру.

Petrichor

Петрикор

*Человек ощущает смысл
и цель своей собственной жизни,
лишь когда осознает, что нужен другим.*
Стефан Цвейг

Прямых рейсов в Порту нет. Лететь пришлось через Барселону. Артем вышел из здания аэропорта и сразу почувствовал этот запах. Петрикор – запах влажной земли после дождя. Он помнил его с детства, но о названии узнал недавно. Это произошло случайно, как и многое другое, набор случайностей, от которых зависит наша жизнь.

От выкуренной сигареты во рту появился неприятный металлический привкус и закружилась голова. Медленно, словно медузы, перед глазами поплыли разноцветные круги. Артем прислонился к стене, чтобы не упасть. Только сейчас он осознал, что не ел несколько дней и держался исключительно на кофе. Желудок свело голодной судорогой, которая отдалась болью где-то в области левой лопатки.

– Water? Do you want water?

Хриплый участливый голос выдернул его из глубины и отвлек от боли. Женщина, видимо служащая, протягивала ему бутылку воды.

– Yes, thank you, – еле выдавил он из себя и сделал несколько глотков.

Дышать стало легче.

Несмотря на ранний час, на автобусной остановке уже толпились люди. Видимо, несколько рейсов прибыло одновременно. Автобус подошел через пару минут. Артем успел занять место у окна. Как он оказался утром в этом городе?

О Порту ему впервые рассказала София. После того как она показала картинки этих чертовых мостов, Артем решил сделать ей приятное. Взял билеты и забронировал номер в небольшом уютном отеле.

За день до вылета у Софии была назначена встреча с клиентом. Она несколько месяцев работала над объектом для молодого, продвинутого предпринимателя, пытаясь совместить экокультуру с современным дизайном. Наконец-то клиент согласовал все правки и готов был подписать договор.

Этот вечер Артем хотел провести с ней вместе, чтобы спокойно собрать вещи, поэтому отговаривал Софию от встречи. В какой-то момент ей даже показалось, что он просто ревнует.

Его раздражал этот самоуверенный тип, с такой дотошностью относившийся к ремонту в своей квартире. К чему такие старания?! Протестантско-инфантильная философия была Артему чужда: создание своего маленького буржуазного мирка в виде гармонично расставленных материальных

благ во всех уголках обиталища. Хотя он и сам был тем еще инфантилом, зависающим часами за компьютером, только без буржуазных замашек.

Если бы не София, для него не имело бы значения, где и как он живет. Он сутками мог сидеть за компьютером, есть лапшу быстрого приготовления и писать свои программы. В конце концов, люди разные, и Софию тоже могли раздражать его привычки, особенно лапша... С этой разностью приходилось как-то мириться, и им это удавалось.

– Начни собирать вещи. Ты даже не заметишь, что я ушла. А завтра мы будем гулять по Порту, и обещаю, обещаю отключить телефон. Только ты и я – и больше никого. Только ты и я.

Она прижалась к Артему, и он ощутил стук ее сердца. Ему захотелось удержать ее в объятиях, но София мягко выскользнула из них. Уже возле двери она обернулась:

– Целая неделя вместе, только ты и я.

Дверь тихонько захлопнулась за ней.

Артем застыл на месте в каком-то оцепенении. Снова вспомнил ее выражение лица, небрежно собранные волосы, слегка подкрашенные глаза и взгляд, одновременно уверенный и нежный. Его всегда удивляло это сочетание в ней мужского и женского.

Они познакомились в баре отеля. Стечение обстоятельств, которые, как считал Артем, безусловно, были predetermined судьбой. Возможно, в нем говорил печоринский

фатализм. Ведь именно это когда-то сильнее других установок из школьной программы по литературе повлияло на его отношение ко всем дальнейшим жизненным сценариям. Порой Артему казалось, что человек гораздо больше боится того, что Бог есть, чем того, что его нет. И дело тут не в выборе или в праве человека на выбор. Просто по-другому невозможно.

Артем сидел с приятелем в самом углу бара напротив стеклянной двери отеля, периодически поглядывая на прохожих на улице. Ему всегда нравилось наблюдать за людьми. В лобби вошла молодая женщина и села у барной стойки. Волосы, словно подсвеченные солнцем, свободно спадали на плечи. Она была одета в темный плащ в английском стиле, подчеркивающий стройную фигуру. До Артема донесся аромат духов, возможно чересчур терпких для ее внешности. Словно почувствовав его взгляд, она обернулась и улыбнулась, очаровательно и мимолетно. Артему показалось, что происходит нечто удивительное.

Захотелось как можно скорее распрощаться с приятелем. Они расплатились и вышли из отеля. Приятель сел в машину, а Артем сказал, что хочет пройтись. Дошел до угла, чуть подождал, а после почти бегом вернулся обратно. Больше всего он боялся, что она ушла – и тогда случится нечто непоправимое. Артем зашел в бар и увидел ее. Он присел рядом.

– Добрый вечер!

– Вы вернулись? – Незнакомка с удивлением взглянула на

него.

– Да... И не собирался уходить, если честно. Нужно было попрощаться с другом. – Он помолчал. – Даже не знаю, с чего начать. Может... Может, поужинаем вечером? Если, конечно...

Он не успел договорить. Она мягко перебила его:

– Жаль, но у меня уже есть планы на вечер. Может, в другой раз.

– Значит, вы даете мне шанс?

– Шанс? А что такое шанс?

– Шанс... думаю, вероятная возможность.

– Возможность чего?

– В данном случае – познакомиться с интересной женщиной.

– В таком случае конечно. Ведь это и мой шанс. – Она снова улыбнулась той самой мимолетной улыбкой.

– Я Артем. А вас зовут?

– София.

– Редкое имя. Вы знаете, что оно означает?

– К сожалению, мудрость. Иногда мне кажется, что для женщины это скорее недостаток.

– Я так не думаю. Как раз совсем наоборот. Мудрость не допускает высокомерия и глупости.

– Да бросьте, Артем. Мы все периодически бываем глупы и высокомерны. Я бы не стала ничего утверждать. Это опасно. Скажешь что-нибудь с умным видом, и обязательно про-

изойдет что-то. Что-то, что снизит градус серьезности.

– Я всегда был высокомерным. Возможно, даже чересчур.

– Раз вы говорите об этом, значит, поняли про себя, и это главное.

– Думаете, что люди меняются?

Артем смотрел на женщину, с которой познакомился несколько минут назад, и впервые за долгое время испытывал невероятную легкость.

– Уверена. Конечно, меняются, и это зависит исключительно от нас самих.

– А как же утверждения, что человек каким рождается, таким и умирает?

– Это утверждение Достоевского, на мой взгляд, весьма преувеличено. Человек способен на многое, и сколько таких примеров.

– Вот оно – проявление мудрости. Мне нужен номер вашего телефона, София.

– При одном условии.

– Каком?

– Что вы не женаты. Это важно. В эти игры я больше не играю.

Артем с облегчением выдохнул:

– В таком случае мне повезло: я в разводе два года, недавно расстался с девушкой. Встречались несколько месяцев.

– Что-то у вас сплошные расставания. Даже интересно, но выясним в следующий раз. А сейчас мне и правда пора.

Записывайте номер. И, кстати, я тоже не замужем, и детей у меня нет.

– Вот это странно. Вы такая красивая.

– Я избирательна. Хорошего вам вечера, Артем.

Она встала и удалилась быстрым шагом, а он даже не успел сообразить, что мог бы проводить ее.

София работала в дизайнерском бюро, небольшом, но с хорошей репутацией. Несколько раз в неделю ходила на курсы по архитектуре. Артему нравились ее независимость и увлеченность. Предыдущие отношения, в том числе его брак, закончились печально именно по причине патологической зависимости. Жена и те немногие женщины, с которыми он пробовал жить вместе, со временем начинали требовать то, что он и так пытался в меру своих сил и возможностей им дать, но им этого всегда было недостаточно. Сначала жажда постоянно быть вместе, ревность к работе, потом – обвинения, что она не чувствует себя счастливой с ним. Неожиданно для себя он оказывался равнодушным и замкнутым типом, которому становились неинтересны его женщина и жизнь вокруг. Возможно, это был опыт, который они переживали в этом союзе, но каждый постепенно опускался в свою бездонную пропасть страхов. Это как неконтролируемая цепная реакция ежедневных незначительных потерь: ты теряешь к человеку интерес, потом уважение, а еще через какое-то время начинаешь ненавидеть его – и себя.

С Софией они с самой первой встречи удивительным образом принимали друг друга с прошлым, ошибками, настоящим, без всяких требований, с какой-то удивительной легкостью, что нравилось Артему. Возможно, именно присутствие этой самой легкости делало столь ценными их отношения.

Архитектура для Софии была воплощением индивидуальности сквозь призму мировой истории. Если задуматься, кто олицетворяет философию эпохи? Архитектор. Именно архитектор транслирует через камень свое индивидуальное мировоззрение и талант. Конкретный мастер становится своего рода квинтэссенцией мысли и ментального проявления эпохи.

Возможно, они бы и не заговорили о Порту, если бы не мосты Эйфеля. Именно французскому новатору, ювелиру, создавшему свои ажурные шедевры из железа, была посвящена очередная лекция на курсах.

Артем услышал настойчивый звонок в дверь. У Софии были ключи, но она знала, что Артем дома, и отчаянно нажимала на кнопку звонка. Можно по-разному расценивать, почему София это делала – причуды, эгоизм, баловство, но это было приятно. Осознание того, что тот, кого ты так ждал, – пришел. Артем потом очень долго тосковал именно по этим звонкам. Человек ведь, по сути, удивительно рефлекторное существо. Сложно отвыкнуть от того, что стало частью твоей жизни.

Они сели пить чай. София все не могла успокоиться:

– Артем, мы обязательно должны поехать в Порту! Прошу тебя.

Она открыла планшет и показала несколько фотографий. Возможно, немного туристических и хрестоматийных, но все равно впечатляющих.

– И что же в них такого удивительного, в этих мостах? Я думал, что Порту славится исключительно портвейном.

Артему действительно было интересно. Он многое узнавал от Софии.

Искусство до встречи с ней было для него сродни терра инкогнита. Его жизнь и работа были связаны с IT. Он рос обычным ребенком: лепил куличики в песочнице, позже зачитывался Жюлем Верном и Конан Дойлем; гонял мяч во дворе с мальчишками. Но как только в его доме появился компьютер, программирование вытеснило другие интересы. Первое время, как и многие, он был увлечен играми. Но двигало им не желание развлечься, а любопытство – ему хотелось постичь механизмы, которые оказывают одурманивающее влияние на массы. Хотелось стать властелином коллективного сознания и создать тот особенный метод управления. Так, незаметно для себя, он превратился в «ботана», мечтающего создать свой уникальный софт. Сутками Артем не вылезал из-за компьютера. Мама несколько раз срывалась на крик из-за свалки, в которую постепенно превращалась его комната. В восемнадцать лет он разработал вместе с од-

ним айтишником игру и заработал первые деньги, снял квартиру и съехал от родителей. Скандалы прекратились – началась самостоятельная жизнь.

София открыла для него совсем другой мир – неоднозначный, противоречивый, прекрасный.

– Посмотри... Видишь? Между прочим, они соединяют Порту с Вила-Нова-ди-Гаей². Именно тут находятся винные погреба со знаменитым португальским портвейном. Посмотри! Это же совершенство инженерной мысли. Вот этот мост. – Она увеличила картинку. – Самый старый. Видишь, какой элегантный? Забыла, как он называется. Тут написано Понте-де-Дона-Мария-Пиа. Назван так в честь королевы Марии Пии Савойской, – медленно прочла София. – Супруги Луиша I³. Еще бы знать, кто это такой.

– Это не важно.

– Знаешь, что меня удивляет? За спиной Эйфеля еще не было Эйфелевой башни. А стиль свой он уже чувствовал. Это и есть отличие настоящего художника от ремесленника. Он, может, еще ничего не сделал, и никто о нем не знает, зато он про себя уже все знает и, что самое важное, – предугадывает.

– Что предугадывает?

² Вила-Нова-ди-Гая – город на северо-западе Португалии, связан с городом Порту шестью мостами.

³ Луиш I (1838–1889) – король Португалии с 1861 по 1889 год.

– Время! Время... – Глаза Софии буквально сияли. – Это и есть самое удивительное. Еще никто не понимает, даже настоящее не в силах осмыслить, а художник уже предчувствует будущее. Давай поедem в Порту. Вместе. Будем пить портвейн и любоваться закатом на мостах Эйфеля.

Артем долго не мог уснуть. Мысли о планируемой поездке назойливо крутились в голове. София крепко спала, уютно устроившись на его плече. Он любил смотреть на нее спящую, такую беззащитную – было в этом что-то мистическое, своего рода сакральный акт доверия и единения. Женщина доверяет тебе свои холодные ноги, которые просовывает между твоими, свою уставшую голову, которая через какое-то время становится невероятно тяжелой, и вместе с этой тяжестью – свои мысли и заботы. Плечо онемело, но Артем не шевелился. Пытаясь заснуть, он думал о том, что весной они обязательно поедут в этот португальский город.

* * *

Марко сидел у берега на складном деревянном стуле и слегка покачивался, словно в такт музыке. Солнце вот-вот должно было взойти, и появление первых прозрачных желтых лучей каждый раз рождало в нем удивление, а вместе с тем восхищение – тем, как быстро оранжевый диск поднимался в небо и освещал землю, наполняя все вокруг энергией.

Иногда, пропустив пару рюмочек портвейна, Марко напевал старинные португальские песни. К нему подбегали соседские дети и пританцовывали под эти нехитрые мелодии. Они любили старика Марко, а у него в кармане всегда были припасены леденцы для них. Раньше он вытаскивал стул из дома и волочил его до моста, а потом обратно, но в последнее время стал оставлять его прямо на берегу. Стул так и стоял, и никто его не трогал. Местные жители знали Марко и часто видели, как он подолгу сидит, скрюченный с наклоненной вправо головой, похожий на какую-то нелепую геометрическую фигуру.

Иногда проходившие мимо туристы обращались к нему с вопросами, как дойти до той или иной достопримечательности, найти местные винотеки или где вкусно поесть. Конечно, Марко советовал Taberna Dos Mercadores. Он был уверен, что их сибас в соли или телячьи медальоны не оставят равнодушным ни одного туриста.

Многих удивляло, что Марко бегло говорит на английском. Обычно португальцы несильны в иностранных языках без надобности.

Жена Марко, Кейт, была родом из Англии. Она умерла несколько лет назад. В молодые годы она вместе с подругой приехала на студенческие каникулы в Порту изучать португальский и в одном из баров встретила Марко. Он наблюдал за иностранными красотками со стороны – они явно увлеклись портвейном – и, зная нрав местных парней, охотников

до легкой добычи, взялся проводить девушек до отеля. Огненно-рыжая копна волос Кейт так запала в душу Марко, что он не смог не прийти к дверям отеля, где жили девушки, на следующее утро.

Уже через пару дней горячий вечер, закатное небо Порту и страстные поцелуи загорелого португальца превратили увлекательную студенческую поездку в любовь всей жизни. Кейт и сама не ожидала, что вот так сможет вернуться в Лондон, объявить родителям о предстоящей свадьбе и намерении жить в Порту. Добавила, правда, что обязательно познакомит их с женихом и его семьей. Кейт всегда была порывистой и быстро принимала решения. Наследственная черта, доставшаяся ей от матери. Она не любила философских размышлений. Мать передала Кейт и проросшую сильными корнями любовь – любовь как единственное, к чему стремится человек. А все, что не любовь, – то смерть. Когда Кейт, счастливая, с обгоревшим носом, ворвавшись в квартиру, бросила чемодан на пороге и стремительно прошла на кухню, родители совсем не удивились и уж точно не расстроились.

Да и чего, собственно, расстраиваться? Погода в Лондоне отвратительная, капризная, а дождь является частью неизменного пейзажа, как любила повторять мама. Климат в Порту точно более привлекательный, и потом – они всегда желали дочери настоящей любви, безусловной. Вот Кейт и доверилась своим чувствам.

Вместе они прожили пятьдесят лет, и, когда Кейт умерла, Марко долгое время не мог принять, что это по-настоящему, что больше они не будут вдвоем прогуливаться по берегу, пить портвейн и смотреть на реку. Не будут ужинать в таверне и ждать детей и внуков в гости по выходным. Трое детей и пятеро внуков – продолжение их с Кейт истории. После смерти жены Марко отказался переезжать к кому-то из них.

Кейт снилась ему почти каждую ночь. Иногда еще совсем молодой, с рыжими распущенными волосами и рассыпанными по лицу веснушками, которые от яркого солнца становились еще более заметными и поразительно ей шли.

В июле ему исполнилось семьдесят четыре. Дети устроили настоящий праздник по этому поводу. Собрались все у старшего сына, несколько дней дружно готовили и отмечали. После торжества Марко даже рад был вернуться в свою небольшую квартиру. В одиночестве и тишине он мог вспоминать и молчать. Внешнее молчание – всего лишь завеса для непрерывного внутреннего диалога с Кейт, которой он рассказывал, как прошел еще один день без нее.

Ревматизм стал все чаще напоминать о себе. Особенно когда Марко пытался улечься в кровать с провалившимся по центру, словно гамак, матрасом. Подолгу ворочался с боку на бок. И мысли... Они никак не могли уgomониться, чтобы позволить старику хоть немного отдохнуть. Даже если сон все-таки побеждал их, думы никуда не девались, они словно отдыхали в ожидании пробуждения. Казалось, что в памяти

застыл какой-то отдельный фрагмент, словно в куске янтаря, через который можно разглядеть все детали застрявшей в ней на вечность черной мошки.

«Какой сегодня красивый багровый рассвет! Словно кто-то разлил густое терпкое вино по небу, – подумал Марко. – Сегодня обязательно кто-то придет сюда. Кто-то не выдержит. Как пить дать. Душно очень. А когда душно, часто многие решаются. Ведь погода тоже влияет. Еще как влияет. Дышать тяжело, и человеку все в другом свете кажется, утяжеляется все. Сразу все бесы наружу рвутся».

В этот район Порту, рядом с мостом Луиша I – знаменитым индустриальным сооружением Сейрига, ученика самого Эйфеля, – он переехал три года назад, после смерти Кейт. Было невыносимо оставаться в доме, в котором прошла вся их жизнь, их совместная счастливая жизнь, где родились трое детей, где они любили, молились, плакали. После того как Кейт ушла и оставила его одного, Марко не мог смотреть на эти стены, выкрашенные в терракотовый цвет, развешенные на них незатейливые картины и семейные фотографии. Каждый уголок дома был наполнен ее звонким смехом, ее голосом. Дом он оставил старшему сыну.

В этой новой, небольшой, даже тесноватой, квартире его память как-то примирилась с настоящим, в котором не было его Кейт. Жена словно дала добро на шанс спокойно дожить свой век. Теперь уже без нее, но с памятью о ней и ожида-

нием воссоединения с любимой женщиной. Первые два дня, после того как переехал и немного обвыкся, Марко смотрел на реку, на мост и жизнь, словно кадры диафильма, сменяющие друг друга. Люди нередко со временем забывают многие вещи и события. У Марко же наоборот – стали всплывать воспоминания, удивительно светлые и ясные, раскрывающие детали и подробности, которые он теперь так отчетливо видел, словно вновь проживая.

Портвейн. В семье Марко портвейн был сакральным напитком. Дед Марко, отец и он сам работали над производством портвейна, который олицетворял ту необыкновенную легкость и жизнелюбие, отличающие, по мнению Марко, португальцев.

Первый год совместной жизни с Кейт они предпринимали разные вылазки. Однажды решили провести несколько дней в Вила-Нова-ди-Гае. Марко не мог отказать себе в удовольствии показать своей женщине тайные погреба с легендарным портвейном. Именно там, в прохладной тени подземелий старой винодельни, Кейт сказала, что ждет ребенка. В тот момент он не смог сдержать слез.

Как-то вечером после переезда Марко стоял у берега – старики плохо спят. Он вышел встретить рассвет и вдруг увидел, как с моста прыгнул человек. Мужчина был одет в белое, поэтому Марко его сразу заметил. Краткий миг падения и следом всплеск воды – он сначала даже не сразу понял, что произошло. А как осознал, сразу же позвонил в полицию

и рассказал о случившемся.

Мужчину достали мертвым спустя несколько часов. От соседки, той еще сплетницы, он узнал, что дома несчастный оставил предсмертную записку, в которой говорилось, что он очень устал жить и бороться и просит никого не винить в его смерти. Мужчину звали Жоржи. Он уже несколько лет жил в районе Рибейра⁴, в крошечной квартире, и работал продавцом в небольшом магазине. Жоржи жил один, ему было сорок, и, как утверждали соседи, он был всегда приветлив. Кто бы мог подумать – такой молодой и симпатичный.

Марко потом разыскал в интернете много статей про самоубийц. Он не мог успокоиться, что, став свидетелем, не смог ничего сделать, чтобы помочь человеку. В одной из статей Марко прочитал, что многие люди заканчивают жизнь самоубийством, прыгая с мостов. И мосты Эйфеля не были исключением. Этот способ считался одним из самых надежных: даже если человек передумал, смерть наступает от повреждения органов спустя несколько минут. Теперь Марко понимал, зачем переехал именно в эту квартиру. Он словно почувствовал свое предназначение.

Марко теперь все время размышлял о том, что может заставить человека решиться на такое. Какая причина? Болезнь, несчастная любовь, потеря близкого человека или вот усталость, как было у этого мужчины. Он специально съез-

⁴ Рибейра – старейший район португальского города Порту.

дид в полицию, чтобы прочесть прощальное письмо Жоржи. Сначала полицейский сильно удивился и попытался отделаться от назойливого старика. Но потом понял, что в его намерении было что-то очень важное, светлое, связанное со служением людям. Полицейский сделал для Марко ксерокопию письма. Вечером старик налил себе рюмку портвейна и принялся читать – как он сам определил жанр этого письма – послание уставшего от жизни человека.

Даже сейчас, когда Кейт больше не было рядом, Марко по-прежнему любил жизнь: бордовые закаты после жаркого дня, течение реки, отражавшей, подобно зеркалу, его родной город, морщинки старых домов на маленьких улочках, их любимый сиба в соли и, конечно, рюмку тягучего портвейна.

Отчего может *так* устать человек, размышлял он. Нет, он не осуждал мужчину с моста. Ему просто было нестерпимо больно оттого, что он не смог остановить несчастного, не смог поговорить с ним, рассказать ему о своей жизни и выслушать его. Не смог сказать ему, что в жизни нет никакого смысла, кроме самой жизни. Не смог помочь ему...

Марко теперь спал днем, а ночами смотрел фильмы или сидел у реки, встречая рассвет.

После гибели мужчины в белом прошло несколько месяцев. Он знал, что его звали Жоржи, но про себя называл погибшего *мужчина в белом*. Иногда Марко казалось, что он думает о нем даже чаще, чем о Кейт, и если мысли о жене согревали его, то мужчина в белом оказывался неожидан-

ной тенью, загадкой. Навязчивым фантомом. Старик часто представлял, как тот провел последний день в своей захлавленной квартире с разбросанными бутылками и затхлым запахом. Может быть, он налил себе виски, выпил и написал это письмо, но не выдуманную историю, которую обычно сочиняют писатели, чтобы стать знаменитыми, с потаенным желанием войти в вечность, а вполне себе реальную. Жоржи тяготило одиночество, и он устал. Смысл жизни давно был утрачен в похожих один на другой днях, неделях, годах. Марко тоже жил одиноко последние два года, но это был совсем другой вид одиночества, если его можно разделять на виды. Одиночество Марко было наполнено светлыми воспоминаниями. Он мог воскрешать их и проживать заново.

Вот ему одиннадцать лет, он поет в церковном хоре, и родители смотрят на него с гордостью. Мать плачет. Она всегда была чувствительной и эмоциональной.

А вот первый виноградный танец – уставший, с ног до головы в липком виноградном соке, но счастливый Марко. Отец хлопает его по плечу и, улыбаясь, гордо произносит: «Теперь ты преемник династии». Портвейн для него всегда был священным напитком...

Или рождение первого ребенка – сына Энрике. Он берет на руки громогласно заявляющий о себе криком хрупкий комочек и с любовью глядит на изнуренное долгими родами лицо Кейт, ее улыбку.

Марко не давало покоя письмо человека, который, в от-

личие от него, был несчастлив. Настолько несчастлив, что не захотел дальше встречать в этом мире начало нового дня.

Среди португальцев много верующих. В истории их страны не было перерыва на воспитание атеистов, отрицание Бога и взрывов храмов. Вера спокойно, без лишнего пафоса передавалась из поколения в поколение. Самоубийство не поощрялось у католиков, считалось тяжким грехом. Но, в отличие от православия, отпевать и хоронить тех, кто по своей воле уходил из жизни, не возбранялось.

«Я прошу прощения у всех, кому я причинил боль и кого обидел, вольно или невольно. Видит Бог, я не хотел этого. Я устал, очень устал, у меня больше нет сил и желания жить».

Мысли о Жоржи не оставляли его вплоть до одного происшествия. Все случилось самой собой. Будто так и должно было произойти и именно этого от старика хотел сам Господь.

Марко стоял недалеко от моста в ожидании рассвета. Он уже успел сделать несколько глотков портвейна, по телу растекалось приятное тепло, когда услышал чьи-то шаги. К мосту подошел мужчина, постоял немного и побрел дальше. Марко сразу понял, что это он, очередной самоубийца, еще один разочаровавшийся в жизни человек. В его поникшей фигуре читалась невероятная усталость. Марко решил последовать за ним. Незнакомец ускорил шаг, и Марко побежал. Мужчина был невысокого роста и крепкого телосложения. Старик с трудом догнал его и впопыхах схватил за плечо, останавли-

вая. Марко почти задышался, но крепко держал мужчину. В испуге тот повернул к нему искаженное гримасой лицо.

– Что вам надо? Что вам надо? Вы что, с ума сошли?

– Я просто... – Марко сильно запыхался, но не выпускал плеча незнакомца из своей стальной хватки.

– Что вы вцепились в меня?

– Давайте присядем... Пожалейте старика. Почему бы нам не поговорить?

Мужчина молчал.

– Послушайте, я переехал несколько месяцев назад в этот район, после того как умерла моя жена.

Мужчина с недоумением продолжал смотреть на Марко.

– Хотите портвейна?

– Портвейна? – удивился незнакомец.

– Да, превосходный сорт. У меня в семье все занимались портвейном. Представляете?

– Зачем мне это знать?

– Возможно, и незачем. Но попробуйте портвейн. Я знаю в нем толк.

– Хорошо. Я выпью глоток, пожалуй. Только отпустите меня. У вас слишком тяжелая рука.

– Тогда давайте присядем, и я отпущу вас, обещаю.

Они вместе опустились на скамейку, и только тогда Марко убрал руку. Мужчина сделал глоток из липкой бутылки.

– Действительно, хороший портвейн.

– 2014 год. В тот год был особенный урожай.

– Вот это меня всегда удивляло. Чем он может быть особенным?

– Хлебнете еще? Знаете, как говорят: портвейн очищает душу.

– Да что уж там... Зачем вы мне помешали?

– Выпейте еще... Пейте-пейте.

– Был такой поэт Омар Хайям, наверняка вы слышали о нем.

– Что-то припоминаю.

– «Вся мудрость на дне вина». У него вся поэзия о вине и его магическом воздействии на человека.

– Вы как-то связаны с искусством? – спросил Марко, стараясь говорить как можно спокойнее.

– Я режиссер. Хотя какое там. Был режиссером. Теперь я ничтожество. Ничтожество, – медленно повторил мужчина.

– Это вы так решили?

– Что?

– Вы решили, что вы ничтожество?

– Так решили многие из тех, кто посмотрел мою последнюю картину. Критики...

– Критики! – Марко взял бутылку и сделал глоток. – В 2014 году было мало дождей. Необычно для региона. Портвейн получился более терпким. Такой насыщенный вкус. – Он протянул бутылку обратно мужчине. – Вы сказали, критики плохо отзывались о вашем фильме?

– Да, настоящие шакалы. Только и рыщут, кого бы еще осквернить и сожрать. Чтобы ничего не осталось от человека, от художника. Это ужасно...

– А кто такие эти критики? – Марко пристально смотрел на мужчину.

В этот момент режиссер подумал, что старик совсем вышел из ума, и сделал еще глоток портвейна.

– Они решают, кто гений, а кому ничего не светит.

– Я это понимаю. Не думайте, что я совсем идиот. Люди... Они не вправе решать, кто достоин, а кто нет. Однажды Кейт мне так сказала.

– Кейт?

– Моя жена. Она умерла несколько лет назад. Так вот, Кейт говорила, что человек не может быть судьей другому человеку. Он слишком зависим. Слишком зависим от обстоятельств. Попробуйте лишить человека, даже самого достойного, сна или еды. Представляете, что произойдет с ним через несколько дней, недель или месяцев? Единственным его желанием будет утолить голод и поспать. Все его мысли будут направлены только на это. А спустя какое-то время он смирится и просто будет существовать в данных обстоятельствах настолько ему хватит сил. Кого тогда он сможет оценивать или судить, и уж тем более критиковать? Человек слишком слаб, чтобы иметь право на это. А вот чтобы создать что-то, нужны воля и желание творить.

Мужчина сделал еще несколько глотков.

– Хороший портвейн.

– Я всегда старался вкладывать любовь в этот напиток. Думаю, так должно быть со всем. Кейт вкладывала любовь в наш дом, наших детей. Я ходил на работу, которая придавала смысл моей жизни, помимо семьи. Зачем вам думать о том, что сказали люди, которые никогда не смогут понять того, что поняли вы? Они не жили вашей жизнью, не были вашими глазами и сердцем, не прошли ваш путь и не испытывали того, что испытывали вы. Сдались они вам!

– Возможно... Наверное вы правы. Но когда работаешь над какой-то идеей, фильмом, да неважно, над чем. В глубине души волей-неволей теплится надежда, что это кому-нибудь нужно. Иначе зачем все это?

– Это нужно вам. Люди – заблудшие души. Мы приходим на эту землю, чтобы менять и меняться. Само по себе это уже чудо. Как можем мы судить друг друга, если находимся среди таких же путников?

– Странно. Странно все, что вы говорите. Откуда вам знать?

– Мне семьдесят четыре года, но понял я это совсем недавно.

– Вы счастливы?

– Очень. Я прожил пятьдесят лет вместе с любимой женщиной, у меня прекрасные дети и внуки, каждый день я могу любоваться восходом солнца. – Марко протянул руку к небу, как бы приглашая мужчину присоединиться. – И пить боже-

ственный портвейн с интересным собеседником.

Режиссер проследил взглядом за рукой Марко и медленно выдохнул – так, как будто он сделал вдох когда-то очень давно и забыл, что надо выдыхать.

Они сидели в тишине, пока не потушили фонари.

– Как вас зовут?

– Марко.

– Марко, вы не составите мне компанию? Что-то я дико проголодался.

– С удовольствием! К слову, я знаю отличную таверну неподалеку... Там лучший в Порту завтрак.

* * *

Артем вышел из автобуса. Небо заволочло тучами: кажется, опять собирался дождь. Порыв колючего ветра ударил в лицо. Климат в Порту довольно капризный и прохладный по сравнению с Лиссабоном, за что его частенько называют северной столицей Португалии. Артем думал, что столь изменчивая погода возможна только в Санкт-Петербурге, но никак не в сказочной Португалии с ее белоснежными домами, ярким, почти оранжевым солнцем и синим безоблачным небом. Оказалось, что это всего лишь миф. Человек так легко придумывает себе сказки и все, что с ними связано, – героев, обстоятельства – и, самое главное, с такой наивной беспечностью в них верит. Верит. Предпочитая их реальности.

Артем прошел несколько до невозможности уютных кафе, которые были еще закрыты, но в одном из них молодая девушка-официантка уже начала утреннюю рабочую суету.

Артем намеренно решил нигде не останавливаться. Еще немного, и перед ним предстала река Дору⁵, более широкая и бурная, чем он ожидал увидеть. Он достал пачку сигарет, закурил. Может показаться странным, но на душе у него было до удивительного легко, и сомнения, которые он испытывал всю свою жизнь, как человек рефлексирующий, отступили. Порой он очень завидовал людям уверенным, не подверженным лишним сомнениям, всегда четко знавшим ответы на вопросы зачем и почему.

Артем никогда не понимал до конца смысла жизни, как ему казалось, абсурдной по своей сути: вот ты рождаешься, живешь и в какой-то момент осознаешь, что умрешь. Такие жестокие и кабальные условия.

София, встреча с ней, их быстрый, даже стремительный, наполненный светом год. Всего лишь год... Он разбавил красками серую жизнь и даже подарил эфемерное чувство, что в филологической конструкции называется надеждой. И ведь Артем действительно поверил, что человек имеет право на это самое счастье. Как же это было глупо и наивно, ей-богу, и, что самое главное, абсолютно бессмысленно.

Артем смотрел на непрерывное течение реки. На веко-

⁵ Дору – река, берущая начало в Испании, протяженностью 897 км, в устье которой расположен португальский город Порту.

вые, словно нарисованные, дома с потрепанной штукатуркой и потрескавшимися фасадными изразцами. Как будто они всегда были, есть и будут здесь. На редкие жемчужины Порту – бог знает как сохранившиеся световые фонари на крышах. Все это совсем скоро прекратит свое существование, а вместе с этим и его воспоминания.

Он уверенно шел вперед, точно зная, куда ему надо, когда нечто похожее на удар обрушилось на его плечо. Артем чуть не упал от неожиданности. Обернулся и увидел старика. Тот что-то быстро говорил на португальском. Артем не понял ни единого слова:

– Инглиш? Do you speak English?⁶

– Прошу вас.

Артем с недоумением смотрел на старика, который протягивал ему бутылку.

– Хотите? Хотите портвейна? Превосходный портвейн, попробуйте, – настойчиво твердил старик по-английски, намеренно растягивая гласные.

Машинально Артем взял бутылку и сделал глоток.

– Я знаю, зачем вы здесь, – продолжил незнакомец.

– Что?

Артем смотрел сквозь него и никак не мог понять, откуда появился этот человек. Он ведь рассчитал время, чтобы не было лишних глаз.

– Давайте присядем. Прошу вас.

⁶ Вы говорите по-английски? (Англ.)

– Что вам нужно?

– Прошу вас, давайте сядем. Мне тяжело стоять. Я слишком быстро шел за вами.

– Что вам надо? – повторил Артем.

– Я не хочу... Я не хочу... Давайте присядем.

Артем уступил настойчивости старика, сел на скамью и сделал еще один глоток.

* * *

Телефон противно пиликнул на столе.

«Соскучился? Я скоро буду. Поздно, а пробки не заканчиваются. Куда все едут? Прости, милый, забываю порой, что я не одна. Все-таки я ужасная эгоистка».

«Ты – моя любимая эгоистка». Артем не любил писать эс-эмэски, в отличие от Софии. Она могла несколькими строчками изменить его настроение в течение дня. Как-то она призналась, что до сих пор стесняется говорить по телефону. Намного легче ей было донести мысль письменно.

«Я подписала свой самый успешный договор. Во всяком случае, на настоящий момент».

Артем положил телефон. Скоро София будет с ним, и это – главное. Он считал, что мужчина выражает свои чувства поступками, действием. К словам он испытывал недоверие, как к чему-то сиюминутному.

Артем снова вышел перекурить на балкон. Прохладный,

даже холодный воздух неприятно подул в лицо. Артем сделал пару затяжек и бросил сигарету. Не хотелось мерзнуть.

Он зашел в кабинет и выключил компьютер. Рейс был ранний, и нужно было все-таки собрать вещи. Артем открыл шкаф и бессмысленно уставился на аккуратно развешенные рубашки. Время словно замедлилось.

Он посмотрел на часы: прошло немало времени, но София так и не приехала.

Зазвонил телефон.

– Добрый вечер! Кем вы приходитеесь Софии, – пауза, – Софии Ивановой.

– Мужем. Гражданским мужем.

– Вам надо приехать... Произошла авария.

– Что с ней? Она жива? – Артем с трудом произнес эти слова.

– Мне очень жаль. Ваша жена погибла.

* * *

Первые тяжелые капли дождя упали на землю.

– Я думал... Думал, что смогу. Но я... – Артем сделал еще глоток. – Я просто не могу больше. Бессмысленно все. И каждый новый день просто приближает...

Старик приобнял Артема за плечо и притянул к себе.

– Вы могли бы быть моим сыном. Знаете, моя жена Кейт умерла несколько лет назад. Она умерла своей смертью, сер-

дечный приступ. Она не погибла, как ваша. А я вот... Как вас зовут?

– Артем... Артем, если это важно.

– Важно? Важно, что вы знаете значение слова «любить». Знаете, зачем я живу? Я храню нашу с Кейт любовь. Вспоминаю ее каждый день, который у меня есть. И вы... Простите, мне трудно выговорить...

– Артем.

– Артем, меня зовут Марко. Вы... Вы еще очень молоды. А уже столь многое поняли.

– Я ничего не понял. Ничего.

– Вы могли бы быть моим сыном, – повторил Марко. – Страна и город не имеют значения. Мы все взаимосвязаны. Движение одного поддерживает другого. Вы могли бы быть моим сыном...

– А что вы здесь делаете, Марко? – перебил его Артем и впервые за весь разговор прямо посмотрел в глаза старику.

– Сложно объяснить. Я невольно стал свидетелем того, как один человек покончил жизнь самоубийством.

– И что?

– Я не успел помешать ему и не могу смириться с этим.

– Но это ведь было его решением?

– Ошибаетесь, молодой человек. Как вы ошибаетесь.

– Каждый имеет право уйти из жизни, когда ему захочется.

Дождь усилился, но двое на скамье, казалось, не замечали

его.

– Я считаю иначе. Бог не посылает нам испытаний, с которыми мы не в силах справиться. Значит, надо жить дальше и не мешать Божьему промыслу. Я не успел спасти того человека и если... спасу вас, мой мир изменится к лучшему. Поэтому я здесь.

– Почему я должен вам помогать? Это мой выбор. При чем тут вы и ваш Бог? Где он был, когда ушла София? Где?! БОГ! Почему ему позволено все? Убивать людей, красть их у любимых? Это промысел? Плевать я на него хотел, какое право у него решать за нас?! Я сам буду выбирать, и мне на него плевать. Плевать.

– Это твоя боль сейчас говорит, сынок. Твоя боль. А есть еще другое. Любовь... Когда мы бросаемся с головой в это чувство, в нас уже есть силы пережить боль утраты: от смерти любимой или оттого, что любовь оказалась короче отношений. И в тебе есть эти силы, поверь старику. Что будет, если ты покончишь с собой? Что станет с памятью о ней? Она исчезнет бесследно вместе с тобой. Это то, чего ты действительно хочешь?

– Нет. Я хочу, чтобы перестало быть больно, – после долгой паузы едва слышно произнес Артем. – Просто не знаю, как теперь. Как я могу...

– Я знаю, о чем ты. Очень хорошо понимаю. Всему свое время, сынок. Поверь мне.

– Я просто боюсь проснуться и не вспомнить запаха ее

волос. И снова...

– Я знаю, сынок.

Марко вдохнул полной грудью.

Дождь закончился.

– Чувствуешь? Запах земли после дождя – в нем столько жизни и надежды.

– Петрикор.

– Что?

– Этот запах называется петрикор.

– Сколько живу на этом свете, а не знал! Пе-три-кор, – нараспев произнес Марко, будто пробуя слово на вкус.

У моста Луиша I сидели двое мужчин, потерявших своих любимых женщин, и о чем-то не спеша беседовали за бутылкой превосходного портвейна. И каждый говорил о своем. Над рекой восходило солнце из багровой колыбели горизонта. Свежесть после дождя звенела легкостью, словно после тяжких слез на душе разливался благодатный покой. Наступал новый день.

Jazz point ⁷

*Жизнь – это не ожидание,
что гроза закончится...
это учиться танцевать под дождем.*

Вивиан Грин

Джаз... Это про страсть... Про боль... Про нестерпимо яркую любовь...

Про невозможность жить без музыки.

Про сотворение своего мира – особенного, беспорядочно разбросанного вокруг, словно конфетти, выпавшее из неожиданно возникшего из ниоткуда салюта, который предназначался не для тебя, но ты решил, что именно для тебя, а потому с таким восторгом и вниманием следил за каждой новой шапкой разноцветных огней: две минуты, пять минут счастья.

Временного счастья. Салют ведь длится недолго, и он не для тебя. Мы же всегда про себя... про себя... Пока не упрямся в узкие коридоры своего несчастливого существования. Потому что про себя. Все намного проще, когда забываешь, кто ты есть. Только так получается сыграть настоящий джаз.

Не думать о том, кто сидит в зале – известный критик

⁷ Джазовая точка (англ.).

или продюсер, которые могут изменить твою жизнь. Отключиться. Довериться. Забыть на время, что в мире существуют жесткие правила – сложносочиненность, ответственность, долг (очень важные и такие страшные слова, с которыми все сразу становится веселее). А джаз – это про другое. Даже когда Нина Симон⁸ разрывает сердце своим низким грудным голосом. Это про возможность. Возможность на какое-то время забыться.

В джазе не бывает ошибок. Любой, даже самый случайный звук превращается в импровизацию, и чем смелее такая импровизация, тем интереснее партия.

* * *

Ли́ка открыла окно и с удовольствием вдохнула прохладный воздух. Апрель уже закачивался, но тепла так и не наступило. Голые ветки словно застряли в колючей зиме: первые застенчивые почки только скромно обозначились.

«Зря я вчера столько выпила», – пронеслось в голове. Ли́ка сделала глубокий вдох и пошла варить кофе. Она предпочитала варить кофе в джезве⁹, на медленном огне, и чтобы обязательно с пенкой. Никаких капсул и новомодных кофе-

⁸ Нина Симон (Юнис Кетлин Ваймон, 1933–2003) – американская соул- и джазовая певица.

⁹ Дджева – сужающийся кверху небольшой сосуд с длинной ручкой, предназначенный для варки кофе.

машин она не признавала.

Пенка почти поднялась, когда раздался телефонный звонок. Лика отвлеклась – густая жижа вылилась на плиту. Кофейные крупинки сложились в сложный абстрактный рисунок на пожелтевшей от чистки поверхности. Лика сосчитала про себя до пяти и взяла телефон.

– Привет! Не разбудил?

– Миш... Что случилось? Я чуть с ума не сошла.

– Лика.

– Алло, Миш, как концерт прошел? И почему ты не звонил? Никогда так больше не делай, прошу тебя. Я два дня без сна. Миша?

– Лика... – повторил снова низкий голос.

Она сломала себе ноготь, как часто делала от волнения в детстве, когда отвечала у доски.

– Я изменил тебе... – услышала она голос Михаила, словно откуда-то из трубы. – Я изменил! – сказал он громче. – Всё очень серьезно: я больше не люблю тебя. Прости, что так вышло.

– Что ты такое говоришь? Я не понимаю, что ты... – Она бросила трубку.

С Мишей они были вместе с первого курса музыкального училища.

Лика с детства слушала джаз и мечтала стать джазовой певицей. Шутила, что в жизни все конечно, а любовь к джазу – навсегда! Такой вот безусловной любовью к музыке ее

наградил отец, профессионально игравший на трубе. И если он и верил в Бога, то им безусловно являлся Майлз Дэвис¹⁰.

Однажды Лика с мамой пришли на концерт, где отец выступал вместе с «бэндом». Ей было одиннадцать. Под софитами девочка увидела совсем другого отца. Он выглядел каким-то отрешенным и даже далеким, но точно счастливым. Это было видно по его открытой улыбке, которая то и дело сменяла сосредоточенное выражение лица.

Через пару мелодий вышла певица, чрезмерно субтильная, в смокинге. У нее был низкий, приятный тембр голоса.

На следующий день за завтраком Лика сообщила родителям, что мечтает стать джазовой певицей.

– Видимо, любовь к джазу передается по наследству, – пошутил отец.

Миша к джазу относился более спокойно: скорее тут присутствовал рассудок, решение «в пользу», а не из-за великой любви. Он даже не любил музыку. Родители отдали его в музыкальную школу, и он как-то привык проводить время за роялем. Когда мальчик отказывался заниматься, его наказывали – унижительно пороли. Чувство сопротивления было ему чуждо от природы, и он просто поддался или сдался. Музыка стала частью его жизни. И любовь тут была ни при чем. Однажды Миша обмолвился Лике, что если бы с дет-

¹⁰ Майлз Дэвис (1926–1991) – американский трубач, стоявший у истоков модального джаза, кул-джаза и стиля фьюжн, внесший значительный вклад в развитие музыкального искусства XX века. Его музыка определила звучание джаза для нескольких поколений слушателей.

ства занимался танцами или шахматами, то стал бы кем-то совсем другим.

Учились они вместе, а познакомились на концерте в джазовом баре, где неожиданно оказались за одним столиком. В тот вечер играл потрясающий коллектив Wolfberry, а после композиции Take Five¹¹ на сцену вышла экстравагантная джазовая певица Тейлор: ярко-огненные волосы и черное узкое платье. Она прибыла из-за океана и пела в этом баре всего лишь по одной причине – и это не была любовь к джазу. У нее случился роман с местным пианистом. Никто не понимал, как это произошло, но факт оставался фактом: она специально приехала, чтобы выступить с ним.

Когда Тейлор запела, Миша повернулся к Лике и сказал:
– Вы красивая. Давно хотел вам это сказать.

– Что? – Она явно не ожидала такого.

Хорошо, что в баре приглушили свет. Лика точно не заметила, как Миша покраснел.

В тот вечер они гуляли по городу. Дошли пешком до Невского, заглянули в какой-то жуткий бар на Думской: разношерстная публика под градусом, пьяная молодежь – и Лика напротив, такая непохожая на всех этих людей. Миша смотрел на нее, и ему было как-то непривычно хорошо.

На первых порах их роман получился стремительным и немного нервным.

¹¹ Take Five – популярная джазовая композиция, записанная квартетом Дейва Брубека для диска Time Out в 1959 году.

Он был ее первым мужчиной, а она – первой, с кем он стал мужчиной. Такая вот несложная комбинация совпадений.

Уже через месяц Лика переехала к нему в небольшую квартиру на Мойке, что досталась от бабушки. Они покрасили стены в темно-серый цвет, развесили фотографии Венеции и Парижа. Решили, что обязательно поедут туда вместе – будут кататься на гондоле и непременно побывают на могиле Моррисона¹².

Лика с самого детства обожала истории про бабушек с дедушками, проживших вместе всю жизнь, душа в душу и как-то умудрявшихся не ущемлять прав друг друга.

В разговоре с подругой, что упорно наращивала женский опыт, весьма часто употребляя в своих рассуждениях слово «бывший», Лика искренне смотрела на нее с удивлением. Просто с удивлением. Без осуждения...

– Так странно, а у меня нет бывшего!

Телефон снова зазвонил. Господи, как в голове-то шумит!

Лика взяла телефон в руки, чтобы отключить, но на экране высветилось имя: Жорж. Саксофонист и друг. Они давно выступали вместе и скурили не одну пачку сигарет, выпили не одну бутылку вина, много говорили о джазе, смеялись и слушали вместе Майлза Дэвиса, которого оба боготворили.

Однажды Жорж серьезно сказал, что фотография Дэвиса

¹² Джим Моррисон (1943–1971) – американский певец, автор песен, солист рок-группы The Doors.

висит у него в спальне и он с ним постоянно разговаривает и советуется. Лика совсем даже не удивилась. В Дэвисе была та огненная страсть, что не оставляет выбора. Ты либо отдаешься ей без остатка, уходишь в метафизику и творишь что-то гениальное, либо добровольно принимаешь решение освободиться.

– Я уже испугался, что ты не возьмешь трубку. Привет! Сегодня играем в одном крутом клубе. Только что открылся. Хозяин – большой любитель джаза. Ты меня слышишь?

– Слышу. Смешно, – спокойно ответила Лика.

– А что смешного? По-моему, здорово, что такие чуваки еще остались!

– Да, наверное. Рада за него.

– А за нас? Хотел обрадовать, что сегодня концерт и обещали хорошо заплатить. Ты что-то суровая.

Вспомнилось, как Михаил впервые признался ей в любви: оделся как рыцарь, взял латы напрокат в каком-то театре. Не лень же было...

– Сволочь! – вырвалось у Лики.

– Что?

– Прости, я не тебе. Потом все расскажу. Во сколько встречаемся?

– Ровно в 16 чекаемся. Адрес сейчас пришлю в «телегу».

– Жорж, – услышала Лика в трубке раздраженный голос жены друга. – Ты когда-нибудь можешь...

– Пока! Надень красное платье. У тебя такое блестящее

есть, – произнес Жорж почти скороговоркой. – Все. Целую, пока.

– Ты даже дома умудряешься быть сам по себе. Как будто меня вообще не существует. – Жена Жоржа вошла в комнату и недовольно смотрела на него.

«Откуда у тебя этот высокомерный взгляд?» – подумал он. Но вместо этого сказал:

– Только не начинай, прошу.

Меньше всего ему хотелось сейчас выяснять отношения. Его измотали эти разговоры с нарастающими, как ураган, претензиями. Он начал задумываться о том, чтобы вот так тихо, никому не объявляя, собрать свой небольшой чемодан и выскользнуть из квартиры незамеченным. Сам Жорж не был в восторге – ни от себя, ни от таких мыслей, но регулярные истерики жены уже порядком надоели. Иногда ему казалось, что это вообще какая-то другая, чужая женщина, которую он не знает. Стоит теперь перед ним и требует того, чего он ей дать не может.

Единственное, чего он хотел, – играть. Ну, может быть, еще в перерыве выкурить пару сигарет и выпить пятьдесят граммов виски. Хотелось хорошего, но пил что давали.

– Чего ты хочешь от меня?

– Ты не задумывался, когда мы в последний раз проводили вечер вместе?

– Ксю, ну не начинай!

– Я не Ксю. Меня Ксенией зовут. И знаешь, я – твоя жена,

а не пустое место, которое ты все время пытаешься обойти.

– Все не так. Я, между прочим, работаю и зарабатываю, чтобы тебе было хорошо.

– Мне? Хорошо? Ты серьезно?

– Абсолютно.

– А мне плохо, представляешь? Я с ребенком – с утра до вечера. А от тебя только «привет-пока». Но со своей певицей ты можешь сутками болтать!

– Мы говорим о работе.

– Да, конечно. О работе. Вы треплетесь о своем джазе. Что, разве не так? Вы – родственные души. Вот в чем дело. А я – так... Всего лишь жена и мать твоего ребенка, которая не способна заценить фьюжн¹³.

– У меня сегодня концерт важный, за хорошие деньги. Ты ведь хотела, чтобы Полина пошла в частный садик.

– Я хотела? А ты нет?

– Давай поговорим завтра утром. Обещаю.

– Ну да. И так всегда. А утром выяснится, что будет еще концерт, а до того – репетиция. Ты ребенком совсем не занимаешься!

– Ну, кто-то ведь должен работать? Дочь меня любит.

– Конечно, потому что редко тебя видит и каждый раз радуется, а я ей уже надоела: все время воспитываю и ворчу.

¹³ Фьюжн (от *англ.* fusion – «слияние») – определение, применяемое в названиях стилей и направлений в искусстве (архитектуре, музыке, дизайне и т. д.), а также, например, в кулинарии, означающее смешение разных стилей, сочетание несочетаемого.

– Ну и что теперь? Хочешь, поменяемся местами?

– Ты серьезно?

– Вполне. Давай я буду сидеть с ребенком, а ты работать.

– Смешно. Ты без своего саксофона сразу умрешь. Ладно, давай – иди! И сам гладь свою рубашку.

Ксения вышла, и Жоржу захотелось закричать – громко, так громко, чтобы раствориться вместе с криком. Превратиться в один мощный звук и улететь куда-нибудь подальше.

«Отчего люди не летают?» – почему-то вспомнилось ему. Неужели все семьи так живут?! Зачем тогда вообще все это? Во имя чего человек добровольно себя мучит? Интересно, как обстояли дела у Дюка Эллингтона?¹⁴ Его жена, Эдна Томпсон, так же наезжала на него из-за джаза? Хотя какая разница, что она думала. Главное – как он играл в The Cotton club¹⁵, а нравилось это Эдне или нет, для истории джаза не имеет никакого значения.

«Надо срочно позвонить Феде. Он ведь легко мог укатить на дачу!» – пронеслось в голове. Концерты в последнее время случались не так часто. Мир во время пандемии неожиданно для всех поделился на до и после. Редкие встречи, проживание яркой совместной истории здесь и сейчас. Ребята каждый раз играли как в последний.

¹⁴ Дюк Эллингтон (1897–1974) – американский джазовый пианист и композитор, оказавший большое влияние на мировую джазовую культуру.

¹⁵ The Cotton club (клуб «Коттон», *англ.*) – первый джаз-клуб в Нью-Йорке, США.

Жорж набрал номер Федора.

– Старик, привет! Мы сегодня играем. Ты как, в городе?

– Вот это новость! Чувствовал, что сегодня случится что-то хорошее.

– Открывается новый джаз-клуб.

– Что же они так, в последний момент?

– Ну, там ребята из Москвы должны были выступить, но кто-то из них заболел, и отменилось.

– А кому-то повезло – нам!

– Старик, ты становишься невозможным циником.

– Ты считаешь, есть другая форма выживания в этом мире?

– Я... А что я... Хочется верить, что мы все живем ради какой-то идеи.

– Вот именно что «какой-то». Ладно, старик. В 16 чекаемся. Играем в смокингах.

– Abgemacht!¹⁶ Обожаю смокинги.

Жорж увлекся джазом в подростковом возрасте. У его отца была вокально-инструментальная группа. Именно он сумел передать сыну особый заряд к музыке. Со временем Жорж понял, что в той, в чем-то наивной, музыке тоже присутствовал джаз, а может быть – прежде всего. Люди умели радоваться мелочам и знали наизусть каждую пластинку, потому что, как правило, их было всего две-три. Они даже музыкальные инструменты сами изготавливали. Дефицит в

¹⁶ По рукам! (Нем.)

Советском Союзе распространялся на все. Делали тарелки для барабанной установки из подносов. А во время концертов держали включенным паяльник, на случай если что-то сломается. Кому знакома такая креативность в наше время?

«Я понял, что выхода нет! Но выход все же есть – и это джаз!» – любил повторять он. Жорж никогда не хотел играть в оркестре, где царствует главный дирижер и нет права на импровизацию. Ты всего лишь исполняешь чью-то волю, и не дай Бог задумать что-то свое, индивидуальное. Джаз всегда казался ему более честным и свободным, и даже больше – справедливым.

Жорж познакомился с Федором на богемной вечеринке у Семена шесть лет назад. Он тогда еще не был женат и не пропускал ни одной тусовки. Семен любил собирать вокруг себя талантливых людей. Считал, что таким образом делает мир лучше. Клавишник от Бога. Его и просить не надо, а уж тем более уговаривать: он мог часами играть без усталости. Иногда казалось, что его не существует отдельно от инструмента.

При поступлении в музыкальную школу Семену сказали, что у него слишком короткие пальцы. Причем женщина со сморщенным лицом, очень сухая, похожая скорее на состарившегося зверька, а не на женщину, унизительно осматривала его руку. Растянула большой и указательный пальцы, а потом добавила, что ему никогда не сыграть *La Campanella* Франца Листа и даже второй концерт Прокофьева. Мама, которая привела его на экзамен, почти плакала. Семена все это

скорее заинтриговало – в чем же сложность этих произведений? Тогда он, конечно, не понимал, что дело в каденции первой части, которая состоит из трех станом и требует от пианиста частых и широких скачков обеими руками. И да, эта акробатика для рук длится целых пять минут, за которыми следуют еще две напряженные части.

– Примите его, пожалуйста. – Мама смотрела на бесполого экзаменатора влажными глазами.

В семье никто не играл на музыкальных инструментах, и ей очень хотелось, чтобы Семен заложил основу этой традиции. К тому же в гостиной стояло фортепиано фирмы Bogemia, доставшееся от бывших владельцев квартиры.

Что смягчило сердце сухой дамы – взгляд матери или внутренняя решимость Семена, а возможно, и то и другое, кто знает? Но Семена приняли в музыкальную школу по классу фортепиано.

На третьем году обучения преподаватель музыки, который играл в небольшом джаз-клубе, дал Семену послушать запись Билла Эванса. Того самого, который создал главные оркестровые аранжировки для альбомов Майлза Дэйвиса Kind of Blue и Sketches of Spain. Семен вдохновился модалным джазом и ладовым принципом импровизации, в отличие от тонального, характерного для классической музыки. Blue in Green навсегда покорила его сердце.

На одной из тусовок, с концентрацией творческой энергии, музыканты нашли друг друга и объединились в джазо-

вый коллектив.

В тот вечер все были пьяными и веселыми – кто-то даже слишком. По квартире разносились звуки композиции Girl from Ipanema. Жорж не любил ее. Считал, что Жобим и тенор-саксофонист незаслуженно получили «Грэмми» за «Запись года» со столь «попсовым», как он полагал, хитом. Почему-то он разозлился.

Федор стоял в стороне, тихо потягивал свой джин-тоник и улыбался. В какой-то момент Жоржу показалось, что он смеется над ним. Он несколько раз прошел мимо, а потом не выдержал:

- Ты что тут, самый умный?
- С чего ты решил?
- Смеешься над всеми... Харе уже!
- Что харе?
- Улыбаться.
- Хм... У тебя что, какие-то проблемы с улыбками? Фобия?
- Проблемы сейчас будут у тебя, если не прекратишь.
- Да что я должен прекратить?!
- Улыбаться...
- Хм... Чувак, ты серьезно?

После таких слов Жорж чуть было не накинулся на Федора. И если бы не Семен, который умудрялся всегда и везде появляться вовремя, то неизвестно, чем все могло закончиться.

– Ребята, вы чего? Хватит уже. Что случилось-то?

– Да вот стоит и смеется над всеми.

– Понятно...

Семен с трудом развернул Жоржа от Федора и уволок его в соседнюю комнату.

– Слушай... Тут такое дело, старик...

– Старик?! Ты ко всем так обращаешься? – огрызнулся Жорж.

– А тебе не нравится?

– Да, в общем-то, все равно: называй как хочешь.

– Ты что-то не в духе сегодня. Что-то случилось?

– Допрашивать будешь?

– Так вот, старик... Ой, прости. Больше не буду.

– У тебя, видимо, какая-то особая любовь к этому слову.

– Слушай, тут такое дело. Федор в детстве болел сильно. Какое-то время вообще с кровати не вставал. Потребовалось сделать операцию на позвоночник, но какой-то нерв задели. Никто не знал, выживет он вообще или нет. Больше года отходил после операции, а потом... Там такая история. Прямо фильм можно снимать. Прочел про Бадди Рича¹⁷. Он ведь считал, что все выше. Можно учиться или не учиться, на талант это никак не влияет. Вот Федор и увлекся джазом.

– Странно.

– Что странно?

¹⁷ Бадди Рич (1917–1987) – знаменитый американский джазовый барабанщик, руководитель «джаз-бэнда».

– Почему все прекрасное из боли?

– Из боли? Ну, нет... не все...

– А ты знаешь хоть одного счастливого музыканта?

– Счастливого? Знаю...

– И кто же это?

– Федор, например, или мы. Да все музыканты счастливые. У кого есть концерты. Ну а что, разве не так? Занимаешься любимым делом, а тебе за это еще и деньги платят. Настоящее счастье. Когда я слышу, как Федор играет, мне самому так хорошо становится. И знаешь, что я понял совсем недавно? Любовь тебя может предать, в любой момент, но пока твои руки способны играть, никто не может у тебя отнять этого, никто....

– Козел я... Б... Какой я козел...

– Да все мы... Слушай, мы не можем знать всех историй.

– Не можем. Не можем... Но терпимее и добрее можем быть?

– Можем. Но это тоже... Путь. Пойдем джемить.

– Предлагаю размяться чем-нибудь неспешным, медитативным, чтобы сбить излишнюю экспрессию!

Сначала ребята пробовали нанимать профессиональных продюсеров и даже предлагали им весьма неплохие деньги. Но из этой затеи ничего толком не получалось. Даже со старыми клиентами и площадками нанятые «продюсеры» и «организаторы» умудрялись ругаться и портить отношения.

Так что поиск подходящего организатора они отложили

до лучших времен, а пока Жорж сам справлялся с этой задачей.

Нужно было связаться с контрабасом. Марик присоединился к ним год назад. До него контрабасистов приходилось менять довольно часто: никто не приживался. Долше всех продержался Юра. Они выступали с ним где-то с полгода. Отличный музыкант: на сцене выдавал просто шедевры! А главное, что при этом никого не забивал и не пытался выделиться. Он-то как раз хорошо понимал, что такое джаз. Не выпячивал себя, умел поддержать партию другого. Если бы только не его любовь к рюмке приложиться! Сначала все как-то снисходительно и понимающе смотрели на маленькие шкалики, что он периодически доставал из рюкзака. Ну, кто не любит пропустить бокальчик после концерта?

Но через какое-то время Юра стал напиваться так, что терял над собой всякий контроль. Приходилось каждый раз после выступления волочить его по очереди домой. Предел наступил, когда он опоздал на репетицию перед серьезным ивентом, да еще пришел уже изрядно выпивший.

– Слушай, так нельзя! – попытался пристыдить его Жорж. – Мы же тут вроде все друг за друга. Как мушкетеры.

– Да пошел ты! Вы меня просто достали. Скажите спасибо, что я вообще пришел!

Если бы не концерт, то Жорж врезал бы ему, без вариантов! После выступления Юра сел за барную стойку и настоятельно потребовал виски. И как ни пытались его отговорить,

снова напился до потери сознания.

Миша в тот вечер встречал Лику и помог загрузить дебошира в такси. Тот концерт стал их последним совместным выступлением с Юрой.

Жорж тогда впервые разговорился с Мишей. До этого вечера они виделись несколько раз и даже ходили вместе на концерт, но чувство принятия друг друга, которое переросло в настоящую крепкую дружбу, произошло именно в тот вечер. Жорж вообще считал: убеждение, что быть друзьями можно исключительно «со школы», – полная ерунда, обычное навязанное клише. Как и множество других. Люди, как известно, развиваются и иногда сильно меняются. При этом, как водится, расходятся в разные стороны. Неизбежное броуновское движение притягивает нас друг к другу – потому и шансов встретить «своего человека» в зрелом возрасте гораздо больше.

Марика они нашли (или он сам нашелся) в небольшом клубе. Этот гипертрофированный невротик как-то сразу прижился и стал своим.

Он был из тех редких музыкантов, кто выбрал контрабас по своей собственной воле, а не по воле и деспотии родителей, как это часто бывает. Все совпало, как в любви. И что удивляло еще больше, так это то, что контрабас приносил ему эстетическое удовольствие. Он сразу понял, что у соло контрабаса в джазе – свой «вайб»¹⁸. То, что в «бибопе»¹⁹

¹⁸ Вайб (от *англ.* to vibe – «вибрация») – *сленг.* атмосфера, энергетика, настро-

это не просто ритм, а стихия, которая идет плечом к плечу с ударными.

В отличие от героя пьесы Зюскинда²⁰, ему как раз нравилось присутствие столь чувственного инструмента в его жизни. Необходимость заботиться о нем. Нравилось обнимать выпуклые формы контрабаса, в чем-то-то гипертрофированные и нелепые. Он не видел в этом никакой нравственной катастрофы. Марик жил один и заводил интрижки с симпатичными девушками. Для него вполне возможным, а может быть, и единственно возможным было наличие этих двух параллельных жизней, которым он не давал пересекаться. Идеальной и понятной, когда он играл и обнимал свой нуждающийся в точных нежных прикосновениях инструмент, и другой – непредсказуемой, но необходимой, подпитывающей эту первую, с которой невозможно было конкурировать.

Жорж наконец-то справился с рубашкой и написал Марику в «Телеграм». Тот на телефонные звонки редко отвечал, а вот на сообщения в мессенджере – сразу.

Марик, когда не играл, словно отсутствовал в этом мире, становился похожим на безмолвного наблюдателя. Или впал в другую крайность: неожиданно бросался на всех с какими-то нелепыми вопросами о смысле жизни. Это вообще

ение, присущие какому-либо человеку или месту.

¹⁹ Бибоп – стиль джаза, отличающийся быстрыми и сложными импровизациями на основе гармоний.

²⁰ Патрик Зюскинд (р. 1949) – немецкий писатель, киносценарист. Среди прочего создал пьесу «Контрабас», впервые представленную на сцене в 1981 году.

была его любимая тема: о сущности «внутреннего я» и работе с подсознанием. На этой почве они подружились с Ликой, которая тоже любила все эти эзотерические беседы.

Когда Жорж подходил к заведению, Лика уже стояла у входа. Смотрела вдаль и курила, элегантно отставив руку, как декадентка. Даже не заметила, как он подошел.

– Вот так новость! Ты что – опять закурила? – Жорж поцеловал ее в щеку и потянулся за пачкой.

– Надоело изображать здоровый образ жизни. Он точно не для меня.

– Ты же вроде решила бросить. Сколько не курила?

– Четыре месяца.

– Ну и зачем тогда начала? Тебе ведь особенно вредно... Хотя и сама знаешь.

– Нина Симон курила всю жизнь, что не помешало ей стать великой певицей.

– Трудно поспорить. Но ты все же бросай!

– Отстань. Мне хреново! Пришлось три маски на лицо делать, чтобы люди не испугались.

– Да я вижу, что ты зареванная. А что случилось-то?

– Миша меня бросил...

– Ой, не придумывай. Я знаю Мишу – он тебя безумно любит!

– Вот тут ты ошибаешься. Он мне сегодня звонил. А до этого на два дня телефон отключил: я чуть с ума не сошла. И вот сегодня утром «обрадовал»: мол, изменил мне и больше

не любит. Ладно, пойдем репетировать, а то я сейчас опять разрыдаюсь. А может, мне выпить?

– Не вздумай. Еще хуже будет.

– Хуже точно не будет. Ты хоть понимаешь, что он мой первый и единственный мужчина?! – Лика заплакала, и тушь, которую она так старательно наносила на ресницы, потекла чернилами по щекам.

– Лика... Ну не надо. Не делай скоропалительных выводов!

– Скоропалительных? Ты сам-то понимаешь, что говоришь? Не беси меня! У тебя что – мужская солидарность включилась? Или он тебе что-нибудь рассказывал? Давай уже, говори правду.

– Какую правду, Лик. Я знаю Мишу и его отношение к тебе. Ну и денек. Меня сегодня Ксюша тоже с утра пилила. Слушай, а давай напьемся после концерта? Поговорим, как в старые добрые времена.

– Ну, я-то с радостью. Это ты человек семейный.

– Я уже взрослый мальчик. Так что решу сам.

– Тогда пошли. Там нас Марик ждет. – Лика промокнула салфеткой мокрое от слез лицо.

– А Семен еще не пришел? Меня, честно говоря, такое отношение утомляет. Сколько можно в эти дурацкие фокусы с телефоном играть? Взял бы тогда себя помощницу, чтобы дела решала. Ну, серьезно: невозможно уже!

– Брюзга! Ты идешь? – Лика обняла Жоржа.

- Слушай, я сейчас приду. Выкурю сигарету и приду. Мне надо немного успокоиться.
- Ладно. Пойду осмотрюсь и приведу себя в порядок.
- Жорж достал телефон, нашел в контактах «Миша друг» и нажал.
- Привет!
- Привет, старик! Ну, ты как там?
- Хуже, чем я думал. Это просто ад какой-то. После химии совсем хреново стало. Не уверен, что выдержу. Как там Лика?
- Ох, старик. Она любит тебя! Может...
- Нет, я все решил. Прошу тебя. Я не хочу, чтобы она видела меня таким.
- Но ведь она имеет право сама выбрать.
- Я сказал тебе и надеюсь на твою порядочность. Для меня так лучше.
- А для нее?
- Для нее в первую очередь. Давай не будем продолжать. Поддержи ее, пожалуйста.
- Ты точно решил?
- Точно... И прошу тебя...
- Старик, давай поговорим?..
- Слушай, я сейчас не могу. Понимаешь, просто не могу. Пока...

Зал оказался даже больше, чем они предполагали. Челю-

век на сто двадцать, да еще и с хорошей акустикой. Их встретила стройная девушка-администратор.

– Меня зовут Нина, – с чувством собственного достоинства произнесла она. – Все билеты проданы.

– Прекрасно, что в наше время люди еще слушают джаз. Значит, будем играть при полном зале. Это всегда приятно.

– Наш шеф сам в детстве на трубе играл. Кстати, он сегодня тоже будет. Хотел вас потом пригласить на ужин. Он слышал вашу игру в «Шляпе».

– Отлично. Поужинать за счет заведения? Мы всегда за. Только давайте сначала сыграем. А то я перед концертом сильно нервничаю.

– Нервничаете? – Нина удивленно посмотрела на Жоржа. – У вас же такой опыт.

– Настоящий артист всегда переживает перед концертом, а иначе он труп.

– Вам приготовить кофе? – приветливо предложила Нина.

– Было бы здорово!

Жорж интригуяще улыбнулся – как он умел, когда хотел выглядеть неотразимым. А Лика подумала, что в сущности все мужчины одинаковы – не способны хранить верность...

Через пару минут подтянулся Семен: ни с кем не поздоровался и сразу же сел за рояль. Вполне в его манере.

Федор пришел чуть позже. Заснул на час днем и проспал. Наконец-то все были в сборе...

– Ну, с чего начнем? – Федор включил свою знаменитую

улыбку.

– Давайте с Feeling Good! – Лика выглядела уже совсем по-другому, словно оставила все свои переживания вместе с выкуренной сигаретой.

– Почему бы и нет? – подхватил Жорж. – Поехали!

Лика обхватила руками микрофон и закрыла глаза...

It's a new dawn,
It's a new day,
It's a new life
For me
And I'm feeling good...²¹

...и начала творить свой джаз. Она пела про страсть... Про боль... Про нестерпимо высокую любовь... Про невозможность жить без музыки. Она творила свой мир – особенный, яркий, словно конфетти из неожиданно возникшего салюта.

Концерт прошел на одном дыхании. Полтора часа пролетели, оставив ощущение недосказанности. И дело было не в том, что за концерт хорошо заплатили и следовало выложиться. Просто в этот вечер они чувствовали себя единой субстанцией, каждый со своей партией, но в едином оргазме, как говорил Жорж. Все готовы были продолжить, но администратор сказала, что дальше начнутся жалобы, так как

²¹ «Это новый рассвет, новый день, новая жизнь для меня, и я чувствую себя отлично!» (Англ.)

после одиннадцати шуметь запрещено.

Лика тоже в этот вечер пела особенно проникновенно.

– Ты сегодня неподражаема, – сказал Жорж после концерта. – Ну что, выпьем, поболтаем?

– А тебя точно дома не убьют?

– Слушай, я же сказал. Хватит из меня подкаблучника делать. Так что, виски?

– Виски мне сегодня точно не помешает. Я еще до конца не осознала, что мы расстались с Мишей.

Лика села на барный стул и скинула туфли. Ноги от каблучков опухли и гудели.

Бармен, молодой парень с бородой в стиле Николая Второго и внушительной татуировкой в виде китайского иероглифа, быстрым, отработанным движением разлил янтарный напиток по стаканам.

– За нас и за джаз. – Жорж залпом выпил свой.

Лика сделала глоток. Горло приятно обожгло.

– Я вот только знаешь чего не понимаю: как можно было так притворяться? Получается, я совсем не знала Мишу. За шесть лет, что мы прожили вместе, я ничего не узнала об этом человеке.

Она поднесла стакан к лицу, внимательно посмотрела на него, словно искала ответа, и последовала примеру друга.

– Вам повторить? – Бармен держал пузатую бутылку наготове.

Видимо, из опыта он понял, что эти двое точно решили

сегодня напиться.

– Да, давайте. – Я вот не изменяю Ксении.

– Ни разу?

– Ни разу. А сегодня смотрел на нее и думал, что это какая-то чужая женщина, которую я совсем не знаю. Когда-то любил, может быть, и сейчас люблю. Только вот... Что-то происходит, понимаешь? Нам плохо вместе. Она все время чего-то ждет от меня. Я все время что-то должен. А ведь я тоже имею право просто отдохнуть, полежать на диване... – Жорж тяжело вздохнул. – Давай выпьем за свободу, несмотря ни на что. Никто никому не принадлежит. Очередной миф.

– Давай. Только ты забыл еще кое-что. Маленький нюанс.

– Какой же?

– Есть еще такое понятие как ответственность. Если двое решили, что хотят быть вместе. Свобода, конечно, прекрасно, но ты ведь уже не один. – Она посмотрела на Жоржа и двумя пальцами изящно захватила несколько чипсов. – Спасибо, что решил со мной выпить сегодня. Мне немного легче стало. Знаешь, психологи говорят, что когда человеку очень плохо, ему лучше не оставаться одному.

– Лика... Я хочу тебе кое-что сказать...

– Что?

– Лика... – Жорж допил виски.

– Говори уже, не тяни.

– Ты напрасно плохо думаешь о Мише.

– Напрасно? Жора, ты чего? – Глаза Лики наполнились мелкими красными прожилками. – А что я должна думать? Я все эти годы считала, что мы созданы друг для друга, что мы банда. У нас были планы.

– Так и есть. – Жорж уже немного опьянел и как-то весь обмяк. – Налей нам еще, – обратился он к бармену.

– Я тебя не понимаю. – Лика наклонилась и надела туфли, которые неприятно впились в ноги тысячей иголок.

– Лика, он мне сегодня звонил. Перед самым концертом. После химиотерапии.

– Что?! Что ты сейчас сказал?

– У Миши рак. Месяц назад обнаружили, и он просто не хотел тебе говорить. Понимаешь? Не хотел тебя расстраивать, решил, что так будет лучше... Для тебя.

Лика взяла стакан и залпом выпила виски.

– Вы просто ненормальные. Оба! Где он? Говори!

– В больнице. В 22-й медсанчасти.

– Какие же вы мужики идиоты. Придурки!

Официант поставил тарелку с «Цезарем» перед Ликой. Она встала и схватила сумку.

– Поешь, а то не доедешь до дома, – бросила Лика на ходу через плечо.

У бара стояло такси. Вызвал кто-то из гостей. Лика села и захлопнула дверь.

– Поехали...

– Лиговский, 45? Вы Алла?

– Нет. Лика. Мы едем в 22-ю медсанчасть.

– Но меня...

– Поехали, – безапелляционно сказала Лика. – Прошу вас.

Водитель посмотрел на нее в зеркало заднего вида и послушно завел автомобиль.

– Как скажете...

Чебурашка

Жизнь состоит не в том, чтобы найти себя.

Жизнь состоит в том, чтобы создать себя.

Бернард Шоу

Быть идеальной, лучшей версией себя – вот, пожалуй, мечта Кати. Была мечта долгие годы. С самого детства, по крайней мере сколько она помнила себя. Большую роль в ее стремлении к перфекционизму сыграла воспитательница в детском саду. К такому выводу она пришла накануне своего сорокапятилетия на пятом сеансе с психотерапевтом, доктором психологических наук, последователем учений Юнга. Предыдущие четыре разбирали взаимоотношения с отцом и матерью, и казалось, количество пережитых «триггеров» и выплаканных слез освободили ее не только от переживаний, но и от всей жидкости в организме. И тут Катя снова заплакала, вспомнив, как воспитательница не хотела, чтобы она была Снегурочкой на новогоднем празднике, и нарочито громко сказала нянечке, что с Катиной внешностью только Чебурашку играть. Оставшиеся три часа до прихода мамы девочка проревела. Не то чтобы она не любила Чебурашку, этот мультфильм ей нравился, но вот внешне быть схожей с ним было как-то обидно.

По дороге домой мама спокойно сказала: «Ну, ты действительно не похожа на Снегурочку. Чего рыдать-то? Не все же

красавицы от рождения». Катя ничего не ответила матери, уставшей от долгой дороги после работы в час пик, где в общественном транспорте все роднились, тесно прижимаясь друг к другу, но для себя решила, что ни за что на свете не будет Чебурашкой, несмотря на столь жесткий приговор расплывшейся тридцатилетней женщины с крашеными волосами канареечного цвета.

В школе Катя искала друга, кого-то, с кем ей так хотелось делиться своими мыслями, идеями, пирожками, конфетами, фантазиями – всем, что было у нее самой. И если ей удавалось увлечь кого-то своими рассказами или уговорить побегать вместе наперегонки, она считала, что как сама принадлежит «другу», так и он должен быть исключительно с ней. По-другому просто невозможно.

«У вашей дочери все гипертрофированно, все чересчур. Она пугает детей. Вы как-то объясните ей, что нужно учиться сдерживать свои эмоции...» Эти слова классного руководителя мама пересказывала отцу вечером на кухне, а Катя стояла под дверью и все слышала. Правда, ничего не поняла про гипертрофированную эмоциональность, но по интонации мамы и по тому, что они говорили об этом за закрытой дверью, догадывалась – это очень плохо. Потом мама вышла покрасневшая, с разросшимися красными прожилками в глазах, похожих на замерзшее морозное стекло.

– Ну, почему у всех дети как дети? А тут... – Мама махнула рукой в сторону Кати. – Твой отец еще второго ребенка

хотел!

Катя не понимала, что с ней не так и за что мама злится на нее, ей было даже жаль ее и очень обидно. Она подошла к папе и тихо спросила:

– Ты меня любишь? Любишь, папочка?

Отец посмотрел на нее пытливым, пристальным взглядом.

– Любовь еще заслужить надо.

С тех пор Катя, как могла, пыталась заслужить любовь. Ей очень хотелось кого-нибудь любить. В каждом юноше она видела спасителя, и как только наступало очередное разочарование, чувствовала себя опустошенной. Это состояние погружало ее в жуткую апатию, из которой она каждый раз выбиралась с большим трудом.

В тринадцать лет Катя первый раз задумалась о том, каким способом она могла бы покончить с жизнью. Набрала ванну, залезла в нее, погрузилась в воду. Зажала нос рукой и резко вынырнула. Потом достала бритву и сделала небольшие розовые царапины. Как оказалось, она боялась боли и еще чего-то, чего объяснить не могла. Хотелось всего и сразу – найти любовь, быть красивой, а еще стать актрисой. Хотелось, вот только Катя совсем не понимала, что надо делать на пути к этим желаниям, невозможным и далеким от реальной жизни. Только актрисы, разделенные выпуклым экраном телевизора с обычными людьми, только эти избранные женщины с томными глазами живут необыкновенной, прекрасной жизнью, испытывают яркие чувства и эмоции, которых нет

в повседневности. Нет и не может быть!

Свои мечты Катя заедала свежим батоном и пирожными и скоро стала такой толстой, что к несхожести со Снегурочкой – олицетворением славянского типа с голубыми глазами и волосами пшеничного цвета – прибавилась ненависть к распухшему телу. Десятый класс Катя окончила с трудом, пропустив почти полгода, стесняясь себя и испытывая чувство стыда попеременно с желанием быть одной, упиваясь этим своим состоянием. Она могла целый день лежать и думать о том, что нужно встать и обязательно что-то делать: читать, решать задачи по математике, но не могла себя заставить и потом сожалела, понимая, что прошел еще один, пустой, наполненный ее страданиями день. Еще один день! Просто день!

Наверное, ее первый брак, ранний даже для советского времени, был бегством от страха и одиночества. И, надо сказать, будущий муж Кати стал первым мужчиной, который проявил к ней внимание, не требуя ничего взамен. Он окончил техникум и подрабатывал водителем, но это было не важно. На каждом свидании он дарил цветы со своей дачи – пионы, хризантемы, астры, гладиолусы. Все, что выращивала его мать. (Она была, пожалуй, самой экономной женщиной из всех, с кем Кате приходилось сталкиваться.) Приходил к Кате, подолгу молчал и смотрел на нее преданными глазами, буквально гипнотизируя. Особенно он интересовался ее здоровьем и так подробно расспрашивал, что через какое-то

время Катя начала придумывать себе всевозможные болезни и ездить с мужем на различные обследования, иногда оставаясь в больнице, но главное – он всегда находился рядом и был внимателен к ней.

Кто мешал Кате наслаждаться жизнью, молодостью, красотой Петербурга и смотреть фильмы Альмодовара? Катя предпочла бегство от себя в сторону странной ясности, которая со временем еще больше все запутала. Она не гуляла по городу, не смотрела интеллектуальное кино и снова чувствовала себя одинокой, только теперь вдвоем. Готовила для мужа, носила обручальное кольцо и с какой-то даже гордостью демонстрировала в метро свой окольцованный палец, но почему-то строила свою, отдельную от мужа жизнь. Много читала, простаивая очереди в публичную библиотеку, и потом сидела ночами за конспектами. Эти очереди даже нравились ей. В них люди доказывали свою приверженность чтению, знакомились друг с другом и даже становились друзьями. Катя часто потом вспоминала просторный коридор в публичной библиотеке, где рано утром успевала занять обитое дерматином кресло и разложить на паркетном полу потрепанные фолианты. Зачитывалась Вольтером, Дидро. Плакала над историей Манон Леско²² и жалела Кунигунду²³. Муж

²² Манон Леско – героиня повести «Приключения кавалера де Грие и Манон Леско» (1731) французского писателя Антуана-Франсуа Прево (1697–1763).

²³ Кунигунда Орламюндская (Kunigunde von Orlamünde; Ирина) (ок. 1055 г. – после 1117 г.), принцесса Тюрингская, затем княгиня Волынская, в первом браке жена (1071–1072) князя Волынского и Туровского Ярополка Изяславича.

этому совсем не сопротивлялся и в ответ жил свой жизнью, о которой Катя мало что знала. Пытался устроиться на работу, что ему никак не удавалось, объяснял, мол, время непростое. Конечно, непростое – повторяла она и пыталась понять недовольного мужа, который, казалось, не очень-то одобрял ее рвения к учебе и желание жить какой-то особенной жизнью, в которую она верила и о которой он ничего не знал.

После окончания университета Катя устроилась в картинную галерею. Ей даже не пришлось специально искать работу. Шла по улице после экзамена и увидела внушительное объявление на фасаде красивого исторического здания о том, что требуется управляющий в галерею. Это точно я, подумала Катя. Точно. А если не я, то кто?

Владелица сразу обнаружила в ней талант эмпатии, необходимый галеристам для общения с художниками, а еще больше с теми, кто приобретает их творения. Основательница галереи, как бывший торговый работник, в какой-то момент поняла, что наступило самое время инвестировать в искусство. У людей появляются на то возможности, и нужно лишь задать тенденцию и объяснить им, что именно нужно покупать. Катя оказалась просто замечательным «приобретением» для галереи. Живопись для девушки стала спасением от внешнего мира, которого она по-прежнему так боялась. Катя могла до позднего вечера изучать статьи и разговаривать с клиентами, объяснять что-то и совсем не раздражаться, наоборот, она чувствовала прямо какую-то от-

ветственность за художников и их искусство.

И даже рождение сына, которого она полюбила еще в своем походе на огромный огурец животе, не отвлекло ее от работы. Когда ей на грудь положили этот маленький мокрый комочек, она прижала его к себе и поклялась, что будет любить всегда. Катя читала ему сказки, а потом сидела над своими статьями, в то время как ее муж в очередной раз «искал работу» и жаловался на сложную обстановку в мире. Да-да, соглашалась Катя и увлеченно организовывала новую выставку.

К тридцати пяти годам она стала все более походить на Снегурочку и приобрела даже известную утонченность во всем облике. И чем больше она хорошела, тем больше отдалялась ее мать. Хотя, возможно, это Кате только казалось, но она привыкла домысливать за других. А еще ей было стыдно, что она не хотела быть похожей на своих родителей и прежде всего на свою мать с меланхоличным, застывшим лицом, равнодушную ко всему происходящему. Давно уже ничему не радующуюся и ничего не желающую.

Когда Катя приезжала домой к родителям, они с трудом выныривали из телевизора и через силу отвечали на ее вопросы. Но Кате было стыдно даже внутри своих мыслей. Дочь не имеет права так думать о матери! С ней было что-то не так, определенно не так...

Многие, да почти все, приходили в галерею исключительно из-за Кати.

– Какая у тебя харизма! – повторяла часто владелица галереи.

Люди сами хотели приобрести работы, отчего эта, в сущности понятная, акция – продать, пусть даже и произведение искусства – становилась настоящим ритуалом, и очень приятным. С мужем у Кати проходила естественная, как ей казалось, параллельная жизнь, в которой никто никому не мешал и никто никого не хотел. Иногда ночью он мог овладеть Катей, и тогда она делала вид, что спит, а потом плакала в ванной от бессилия и жалости к себе. От этих обыденных, ставших ненавистными отношений.

Первому мужу Катя была благодарна за ребенка. Неизвестно, сколько бы она еще набиралась храбрости, чтобы стать мамой, если бы не вышла тогда замуж. Теперь у нее был взрослый сын, который во всем походил на мать. Был таким же открытым и эмоциональным.

Однажды Катя решила устроить благотворительный аукцион в галерее по случаю объединения молодых художников в экспериментальную группу. Пригласила своих друзей – джазовых музыкантов – на открытие. Пришли клиенты, друзья галереи, которые привели с собой своих друзей, образовав тот самый узкий круг и теплый вечер с богемным настроением.

Катя не сразу заметила импозантного высокого мужчину в дорогом классическом костюме. Он рассматривал живописные работы в самом конце зала. На одной из картин яркие

серые пятна при ближайшем рассмотрении оказывались гусеницами разных размеров. Когда Катя спросила художницу, при чем здесь гусеницы, Ксения – так ее звали – сказала, что бабочки вылупляются из гусениц, и кто этого не понимает, тот ничего не знает о происхождении красоты. В сущности, она была права: всех привлекает красота, и ее возникновение остается тайной, если только пытливый ум художника-творца не решит исследовать его под лупой и показать тот самый таинственный переход, о котором многие даже не задумываются.

Мужчина подошел к Кате и протянул ей бокал шампанского.

– Прошу прощения. Вы все время с кем-то беседуете без бокала. Это несправедливо.

Катя увлеченно объясняла пожилой паре, помешанной на современном искусстве, что гусеница – метафора смерти и что на этой картине можно увидеть новое состояние преобразования.

– Думаю, вам не помешает немного отвлечься. Могу я к вам присоединиться?

– Да, пожалуйста. Если вам интересно.

Катя спокойно кивнула в его сторону и опять заговорила про образ смерти в искусстве. Через какое-то время мужчина сослался на то, что ему пора уезжать, и попросил номер ее телефона – сказал, что заедет на днях за картиной.

О его существовании Катя не вспоминала до тех пор, по-

ка он не появился на пороге галереи с намерением приобрести работу восходящего гения и предложением продолжить беседу в ирландском пабе, который находился на соседней улице.

Станиславу – как он представился – недавно исполнилось сорок семь, и он буквально источал здоровье и жизнелюбие. Много шутил и, как казалось, был всем доволен. Вел он себя самоуверенно и даже развязно, но Кате нравилась его настойчивость, а еще больше – уверенность, которая распространялась и на нее.

Они стали встречаться, и неожиданно для себя Катя влюбилась – в его чувство юмора и в свое состояние, возникавшее, когда она была рядом с ним. На место темных мыслей о смысле жизни приходила благодарность и спокойствие, которого она никогда раньше не ощущала. Они могли подолгу сидеть в парке, держаться за руки, и Станислав увлеченно рассказывал о своем детстве, а Катя слушала, представляя, каким он был. Потом они долго прощались и разъезжались по своим одиноким домам.

Спустя несколько месяцев ярких свиданий Станислав, как всегда уверенно, сказал, что не хочет никого обманывать и собирается жить вместе с ней. Кате столь явное намерение показалось неосуществимым. Было страшно начинать новую историю и выходить из этой самой обыденной жизни, которой она так боялась и за которую так отчаянно держалась.

Самым сложным было озвучить первые слова, словно тя-

желый выдох, но потом она рассказала мужу о желании расстаться, и стало даже легко, словно Катя наконец-то сбросила с себя тяжелые мешки, набитые сомнениями, разочарованием и злостью, парализующей свет. Стало спокойно. Катя смотрела на него – мужчину, с которым прожила вместе почти двадцать лет, – и не понимала, что их могло связывать все эти годы. Прежней боли и страха она не ощущала, словно все, как ненужная кожа, естественным образом отошло и нужно было просто снять ее.

Больше всего Катя боялась открыться сыну, боялась его осуждения, но он воспринял решение матери с воодушевлением.

– Главное, чтобы ты была счастлива, мама.

Муж нехотя собрал свои немногочисленные вещи, «прости меня», – добавил как-то некстати, переминаясь с ноги на ногу, и закрыл за собой дверь.

Станислав оставил своей первой жене недавно отремонтированную квартиру и вместе с ней все обязательства. Утром следующего дня он вошел к Кате с улыбкой, двумя небольшими чемоданами и связкой книг – собранием сочинений Бальзака и несколькими томами Чехова – в коридор и закрыл за собой дверь. Они попрощались с прошлой жизнью и перешли в новые отношения. Через какое-то время переехали в новую просторную квартиру, и Катя почувствовала себя почти счастливой.

Семь лет жизни со Станиславом отличались той самой

прогнозируемой уверенностью, но постепенно в браке стало теряться что-то другое, неуловимое и в то же время очень важное. Вся конструкция под названием «счастливые отношения» трансформировалась. Катя понимала, что это лишь начало. Разрушение иллюзий, картонного домика, так легко обрушиваемого, стоило в нем задеть легким касанием одну сторону. Что это? Что происходит? С предсказуемостью Станислава уходила какая-то важная часть Кати, тонкая, хрупкая, как крылья бабочки, эмоциональность.

После ссоры Станислава с Пашей, Катиным сыном, у нее внутри все перевернулось. Муж просто ушел и захлопнул дверь, оставил ее одну. Спустя несколько дней он вернулся, пробовал что-то объяснить. Сказал, что нельзя поощрять детский эгоизм. Они пили чай на кухне, долго говорили, но что-то оборвалось внутри Кати, и это что-то невозможно было поймать и вернуть обратно. За дверью захлопнулась и Катина вовлеченность в жизнь мужа, женщина снова стала все больше удаляться в свою параллельную жизнь.

Когда хозяйка галереи предложила поехать в Москву, где должен был состояться большой весенний вернисаж местных художников, Катя с радостью согласилась.

Удивительно, какими пустыми становятся люди, когда проходит страсть, а ничего взамен они предложить друг другу не могут, потому что не смогли и даже не пытались рассмотреть то, что находится в верхней части человеческого тела и называется душой. Катя ехала в поезде и думала о том,

почему люди становятся чужими. Возможно ли из состояния страсти перейти в более глубокое чувство? И что не так с ней самой? Галина, хозяйка галереи, выпила вина и теперь спала, а Катя все думала и снова винила себя.

Из гостиницы женщины решили пройтись пешком и насладиться неспешной прогулкой по улицам Москвы, таким контрастным и разным, где за поворотом встречаются удивительные церквушки с небольшими куполами, словно в старинных сказаниях, а свернув в очередной раз, ты попадаешь на широкий проспект. Людей на улицах было не много, а вот перед Манежем образовалась внушительная очередь из желающих посетить выставку. Катя и Галина растворились в потоке любителей искусства и условились встретиться через два часа в расположенном рядом кафе, которое заранее выбрали.

Он подошел и встал рядом с Катей, делая вид, что внимательно рассматривает работу, отдаленно напоминавшую раннего Ротко.

Катя на физическом уровне ощутила его присутствие – легкое волнение, которое невозможно ни с чем спутать.

– Интересные работы? Цвета необычные, не находите?

– Вы мне? – Катя не сразу поняла, что он обращается именно к ней. – Я думаю, это реплика Ротко, причем не самая удачная.

– Почему вы так думаете?

– Искусство сложно оценивать с позиции рационально-

го мышления. Ротко, например, воспринимал искусство как инструмент эмоционального и религиозного самовыражения. А этот художник просто экспериментирует с цветами.

– А я на стороне молодого художника. Первые шаги всегда мучительны.

– Не думаю, что только первые... Дальше тоже не очень-то все просто...

Кате захотелось узнать имя собеседника, и она назвала свое.

– Меня зовут Даниил, – спокойно ответил он. – Главное, не стать заложником комплекса незнания. – Он смотрел на картину, хотя разговаривал с Катей, и это показалось ей странным. – Сейчас попробую пояснить свою мысль, если вам интересно.

– Даже очень, – абсолютно искренне сказала Катя.

– Мы не можем знать того, что нас ждет. Как бы мы ни планировали свою жизнь и не стремились ее упорядочить. Многим кажется, что в порядке есть своя гармония. Но в том-то и дело, что, пытаясь выстроить порядок, ты упираешься... – он поправил очки и сощурился, словно пытался найти подходящее слово, – ...упираешься в обратное. Начинаешь понимать, что хаос и есть настоящий порядок, а значит, нет никакого смысла его выстраивать. Единственное, что нам остается, это довериться происходящему.

– По-моему, это слишком просто, точнее, это простой способ избавиться от ответственности. Инфантильная пози-

ция! Уж простите...

Даниил наконец-то повернулся, и Катя увидела его глаза, которые буквально проникли в нее или, вернее будет сказать, отразили ее.

– Вы философ или художник? – Она отвела взгляд, с трудом.

– Философ? Возможно... Хотя вообще-то я предприниматель. Просто мне нравится размышлять.

Катя как могла сопротивлялась. Она даже отказалась от первых двух свиданий. Но он продолжал настойчиво писать и звонить. Спустя несколько месяцев она все-таки согласилась погулять с ним в парке. Они ходили по узкой аллее и прижимались друг к другу, как дети. У Даниила была жена и двое детей, мальчик и девочка. Он ничего не скрывал от Кати и точно ничего не обещал. Он просто спокойно предложил встречаться. Между ними возникло какое-то удивительное состояние, соединяющее интеллектуальную близость с физическим влечением, и было сложно сопротивляться, хотя Катя очень старалась. После этой прогулки он написал ей: «Зачем отказывать себе и мучить себя, когда нас влечет друг к другу?» Она не ответила, но после очередной ссоры со Станиславом решилась на встречу.

Действительно, зачем? Семь лет совместной жизни вполне можно отнести к счастливым. Даже очень счастливым. Признаться себе в том, что все меняется, тяжело – отношения с мужем потеряли свою глубину, и восхищение, с кото-

рым она смотрела на Станислава прежде, исчезло, оставшись лишь в воспоминаниях, нечетких и размытых.

Так, неожиданно для себя, Катя снова поддалась игре под названием «Мужчина и Женщина». В тихом соприкосновении их тел было больше правды, чем в самых глубоких разговорах. Их тела... Порой ей казалось, что она смотрит на них со стороны и любит их пониманием и принятием друг друга. Все слова теряли смысл, и невозможно было объяснить, почему ей было так хорошо с Даниилом.

Первые полгода их знакомства легко ложились в Катину устойчивую рутину и даже раскрашивали ее. Он ждал ее в отеле в их номере, который снимал, каждый раз один и тот же. После близости, которая с каждым месяцем становилась все более яркой, они говорили, и эти разговоры в гостинной номера с приглушенным светом и опущенными шторами были важны им обоим. Потом они снова любили друг друга и после в тишине одевались. Катя всегда уходила первой, не оборачиваясь, с букетом цветов, который по дороге дарила какой-нибудь девушке или оставляла таксисту. Даниил закрывал за ней дверь и спустя несколько минут уходил. Они возвращались в другую жизнь, в свои дома, где каждый жил по-своему счастливо и одиноко, но через какое-то время начинал скучать по их номеру и всему, что происходило за его дверью.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.